

Елена
Арсеньева

Грешные
музы

ИСТОРИЧЕСКИЕ
НОВЕЛЛЫ
ЛЮБВИ

Грешные музы

Елена Арсеньева

**Полуулыбка-полуплач (Федор
Рокотов – Александра Струйская)**

«Автор»

Арсеньева Е. А.

Полуулыбка-полуплач (Федор Рокотов – Александра Струйская) /
Е. А. Арсеньева — «Автор», — (Грешные музы)

© Арсеньева Е. А.

© Автор

Содержание

Елена Арсеньева	5
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Елена Арсеньева

Полуулыбка-полуплач (Федор Рокотов – Александра Струйская)

Физиогномия у лакея была какая-то... перевернутая. Тряс брылами и нелепо жевал губами, как будто бы только что подавился чем-нибудь препакольным. Видать, схлопотал от господина своего. Струйский был на расправу скор, что да, то да, во гневе никого не обделял оплеухой, от кухонного мальчишки до почтенного лакея. Потом, бывало, щедро жаловал поцелуем своей барской ручки, прощением одаривал.

Ничего, обойдется и на сей раз.

– Будь здоров, Кузьмич! – усмехнулся Федор, проскакивая мимо, по обыкновению своему, через две ступеньки, однако что-то его остановило, звук какой-то.

Всхлип?

Обернулся – да и впрямь! По розовой пухлой щеке Кузьмича катилась слеза, обегала выбритую губу и пряталась в тщательно разделенной надвое бороде.

– Кузьмич? – полувопросительно проговорил Рокотов. – Не стряслось ли чего? Неужто снова стомах крутит?¹

Водилась у него такая привычка – дворню о здоровье спрашивать. Не кичился положением придворного живописца, помнил, что сам некогда был таким же, как эти *люди*, – подневольным, крепостным князей Репниных в подмосковном селе Воронцово. На счастье, князь благоволил к матушке Федора, вот и дал вольную в добрую минуту и любезной своей, и сыну ее (поговаривали – его собственному, но тайна сия велика есть, она так и осталась тайною!). Потом граф Шувалов, известный меценат, покровитель просвещения и искусства в России, заметил в доме Репнина талантливого юного художника. Федора приняли в петербургскую Академию художеств, которую он успешно закончил и сделался моден в свете, заказы сыпались один за другим, что в Петербурге, что в Москве, где он обретался ныне.

Рокотова судьба отметила удачею, но не всякому так в жизни повезет. Бога за милосердие благодарить надобно, однако не след гневить его зазнайством, ибо не твоя сие заслуга, а благорасположение Провидения. Оттого и был Федор добросердечен к простым людям, оттого и пользовался их ответным расположением, а не ненавистью, как иные господа, тем паче «из своих», из низших до верхов поднявшиеся...

– Да что такое, Кузьмич?!

– Господи, Федор Степанович... Боже ты мой... беда у нас! – уже не сдерживаясь, громко всхлипнул лакей, но тут же, опасливо косясь наверх, где находился барский кабинет, зажал рот рукою. И невнятно выговорил: – Беда! Беда великая!

– С кем? – быстро спросил Рокотов, холодея. – С Николаем Еремеевичем? Или...

Задавая этот вопрос, он уже знал что – «или», потому что из-за барина своего, на расправу скорого, на оплеуху быстрого, на гнев стремительного, Кузьмич не стал бы так себя изводить. Значит, «или». Значит, что-то случилось с ней... с Александрой Петровной. С Сашенькой!

Он бросил еще один взгляд на Кузьмича, понял, что от лакея толку не добиться – так и будет дрожкою дрожать до бесконечности да мычать сквозь ладонь невнятное, – и рванулся наверх.

Под всеми дверьми темно, только из-под той, что прикрывает доступ в святилище господское – кабинет хозяина, – ярко светится. Рокотов был дружен со Струйским и входил обычно

---

¹ Стомах по-гречески желудок.

без доклада, только постучав, однако сейчас не стал терять время ради условностей – рванул дверь.

И, как обычно, шибануло в нос пылью.

Пыль в своем кабинете Струйский не позволял вытирать. Еще здесь, в московском доме, было худо-бедно терпимо, а побывав в Рузаевке, родовом имении Струйского, и войдя в кабинет, который назывался исключительно святилищем либо Парнасом, Рокотов едва не задохнулся и аж зажмурился при виде царившего там беспорядка: книги валялись вперемежку с одеждою, рядом с сургучом брошен был перстень алмазный, возле большой рюмки стоял потертый бюст какого-то пиита, чье имя тоже давным-давно было припорошено пылью веков... По деликатности природной он постеснялся спросить Николая Еремеевича, в чем причина столь несообразной страсти к пылеобразованию, однако глаза ему на причину хозяйской причуды раскрыл князь Иван Михайлович Долгоруков, бытописатель и пиит.

«Пыль, – якобы говорил Струйский, – есть мой страж, ибо по ней увижу тотчас, был ли кто у меня и что трогал».

В сие святилище никто не хаживал, опасаясь хозяйского гнева, да и не пускал никого Струйский к себе, высокомерно уверяя, что не должно метать бисер перед свиньями. Даже его жена держалась от любимого обиталища супруга как можно дальше. Однако сейчас Рокотов встревоженно огляделся, словно надеясь увидеть ее тонкую, изящную фигуру в простом синем домашнем платице и мило причесанную русоволосую головку. Дома Сашенька, то есть, простите великодушно, Александра Петровна Струйская, хаживала, конечно, без назойливого и жаркого парика, а обкручивала голову в два ряда косою. И так-то была она в этой косе мила, так нежна, что у господина придворного живописца приключалось убыстрение сердцебиения, дрожание конечностей, помутнение зрения, а упомянутый стомах начинало крутить куда пуще, чем у Кузьмы, ведь у Кузьмы сие кручение происходило небось от переизбытка редьки, скушанной с постным маслом, а у господина Рокотова – от переизбытка почтения к прелестной госпоже Струйской... Ну да, почтения, а чего же еще, господа хорошие, какие еще чувства можно испытывать к замужней даме, к тому ж – супруге твоего доброго приятеля... какие еще чувства можно испытывать к ангелу небесному, для чего-то осенившему грешную землю легкой поступью своей изящной ножки?! А глаза ее... Ах ты боже мой, что испытывал сорокалетний живописец при взгляде в эти дивные глаза двадцатилетней красавицы!

Вернее, чего он только не испытывал...

Увы, сейчас заглянуть в эти невероятные, туманные очи возможности не представилось: в кабинете Рокотов узрел только фигуру хозяина, одетого соответственно его собственным представлениям о моде и комфорте: поверх фрака у него был надет парчовый камзол, подпоясанный розовым шелковым кушаком; белые чулки и башмаки на высоких каблуках подчеркивали легкую кривизну ног. Особую гордость хозяина составляла длинная, на прусский манер, косица, которую он обильно посыпал пудрой. Сам Струйский был полноват, однако у него было худощавое лицо, исступленно-горячечные глаза и безвольный рот, выдававший натуру сумасброда, эгоиста и неврастеника.

Сейчас этот рот нервно кривился, а глаза были затуманены слезами.

– Рокотов! – воскликнул Струйский, увидев на пороге гостя. – Ты вовремя! Ты всегда приходишь вовремя! Муза осенила меня крылом своим легкокрылым!

Струйский нахмурился. «Осенила легкокрылым крылом» – вышло как-то неладно и нескладно...

– Крылом своим благодатным осенила меня муза! – пылко поправился он. – Вложила в десницу мою стило свое и направила мысли мои ко сложению стиха! Вот послушай!

Он широко размахнул рукой, так что с кружевной манжеты посыпалась пыль, и снял с конторки кругом исчерканный листок. Подошел поближе к свече и поднес листок к глазам. Откашлялся, готовясь начать...

Рокотов предусмотрительно посторонился. Причина для сего имела. Тот же князь Долгорукий однажды рассказывал:

– Явился я как-то к нашему пииту с товарищем, и читал Струйский нам свое новое произведение. Читал с восторгом и жаром, и таково был талантом своим собственным восхищен, что схватил внезапно моего товарища за ляжку и так больно, что тот вздрогнул и закричал, а Струйский, не внемля ничему, продолжал чтение свое, как человек в исступлении...

Не хотелось бы испытать сего удовольствия от гостеприимного хозяина!

– Все обращение его, впрочем, было дико, странно, – добавил тогда Долгорукий, и Рокотов это вспомнил, потому что и сейчас Струйский был дик и странен. И голос его звучал с таким лесным завыванием:

Когда б здесь кто очей твоих прелестных стоил,
Давно б внутрь сердце он тебе сей храм построил,
И в жертву б он себя к тебе и сердце б нес.
Достойна ты себя, Сапфира!.. и небес.
Почтить твои красы, как смертный, я немею,
Теряюсь я в тебе... тобой я пламенею.

Перевел дух и спросил с нескрываемым восторгом:

– А, Рокотов? Каково!

– Блистательно, сударь, – подавив скрип зубовный, кивнул живописец, давно уже усвоивший, что сие слово более всего по нраву творцу-стихоплету, ибо сам он считал вирши свои именно блистательными и мнения иного просто не воспринимал. – Как и все, что принадлежит перу вашему и вдохновлено музою вашею. На сем Парнасе нет вам равных!

На сем Парнасе, ежели иметь в виду кабинет, и впрямь не было равных хозяину, так что Рокотов не брал на душу греха лжи. Да, впрочем, его сейчас сие волновало столь же мало, как судьба прошлогоднего снега.

– Позволительно ли мне будет осведомиться о здравии уважаемой Александры Петровны и выразить ей свое почтение? – поспешно спросил Рокотов, норовя успеть, прежде чем Струйский разразится очередной поэзою, – и обмер, увидев, как исказилось лицо вдохновенного пиита.

– Милостивый бог... Саш... Александра Петровна... она... храни ее Господь, она не больна?! – невольно воскликнул Рокотов и стиснул кулаки, досадуя, что выдал себя, что не смог скрыть муку, прозвучавшую в голове.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.